

КОММЕРЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ ГРИБОЕДОВА

Статья Н. Кальмы

1

Шел 1818 год. Европа переживала период международного затишья, наступившего после окончания наполеоновских войн.

В этот год из двух точек Европы два молодых человека: москвич и нормандец — отправляются в Персию. Один едет из Петербурга, другой из Лондона. Первый — Александр Сергеевич Грибоедов. Имя второго было до сих пор известно только по одному случайному упоминанию в письме Грибоедова к П. Н. Ахвердовой от 1827 г. Грибоедов спрашивает у своей адресатки: „Получили ли Вы ответ от Этье?“ Больше имя Теодора Этье среди опубликованных писем Грибоедова не упоминается нигде. Между тем человек, носящий это имя, занимает в биографии Грибоедова далеко не самое последнее место: в течение долгого времени он был связан с Грибоедовым знакомством, разного рода деловыми отношениями, едва ли не дружбой. В настоящей работе, пользуясь материалами, сохранившимися в семейном архиве потомков Этье в Москве, мы пытаемся восстановить основные вехи этого знакомства, выяснить его характер и его исторический смысл¹.

Кто такой Теодор Этье?

Лежащие перед нами французские воинские документы 1815 г. свидетельствуют, что Теодор Этье, двадцати лет — уроженец департамента Кальвадос во Франции, лейтенант и казначей 52-го полка национальной гвардии, который квартирует в городе Кане означенного департамента.

1815 год — год возвращения Наполеона с Эльбы. Национальная гвардия восторженно встречает императора. Теодор Этье носит на себе медалионы с портретами Наполеона и его семьи. Двадцатилетний лейтенант весь под обаянием личности и славы „маленького императора“.

Но вот проходят Сто дней, Ватерлоо решает судьбу Бонапарта, во Францию возвращаются Бурбоны. Армия сокращается, масса офицеров переводится на половинное жалованье, все командные посты заняты роялистами. В марте 1818 г. опубликован закон Гувииона Сен-Сира о „ветеранстве“, предоставляющий третью часть чинов унтер-офицерам.

Теодор Этье вместе со всей основной массой наполеоновского офицерства оказывается в лагере недовольных. Недовольство бурбонским режимом простирается у него так далеко, что он решает эмигрировать. В начале июня 1818 г. мы находим Теодора Этье уже в Англии. Здесь в Дувре, он начинает свои „Записки“, являющиеся основным источником его биографии. В этих записках мы читаем:

„В сентябре 1818 года, будучи в Гартфорде, я познакомился с семейством Матью Кэмпбелла — директора Восточно-индийского колледжа. У него было четыре дочери: Бетси, Марта, Анна и Изабелла, с которыми я очень подружился. В конце концов я так сблизился с Изабеллой Кэмпбелл, что мы тайно обручились. Но когда я отправился к отцу Изабеллы просить ее руки, он, видя столь сильную привязанность до-

чери ко мне, тотчас же нас разлучил. Она исчезла, и я больше не смог узнать, куда он ее увез, знаю только, что почтовая карета приезжала за ней около 9 час. вечера“².

Эта несчастная любовь и послужила повидимому для Этье основным стимулом к отъезду из Англии. В Гартфорде он вскоре познакомился с Муши Годам Хайд — индусом из Бенареса — преподавателем персидского и индусского языков в упомянутом колледже. „Муши заинтересовался мной и, видя меня в горе и без определенного занятия, посоветовал мне отправиться в Персию, — записывает Этье. — Для этого он предложил свести меня с молодыми персами, живущими в Лондоне. Я согласился, и мы выехали из Гартфорда в Лондон. В Лондоне я познакомился с Мирзой-Залех, Мирзой-Джафаром, Мирзой-Реза и Хаджи-Бабой, которые были посланы принцем Аббасом-Мирзой в Англию для совершенствования в европейских науках и искусствах — Хаджи-Баба для того, чтобы сделаться хирургом, Мирза-Джафар — для изучения военного и гражданского инженерного дела. Я не посвятил их в мой план, сказал только, что еду в Константинополь. Меня свели с Махомедом-Али — персом, возвращающимся на родину, и 21-го мы погрузились на борт бриза „Морлинг“³.

До Трапезунда Этье едет морем. Он проезжает Гибралтар, берега Африки, Грецию, но в „Записках“ его о каждом из этих мест сказано всего несколько сухих, малозначащих слов.

В Константинополе Этье знакомится с первым переводчиком французского посольства Жуанненом, известным ориенталистом, который был послан в 1807 г. Наполеоном с миссией генерала Гардана в Персию. Жуаннен сохранил старые связи с персидскими вельможами и охотно дает Этье рекомендательное письмо к Мирзе-Масуду — статс-секретарю и первому переводчику принца Аббаса-Мирзы. Письмо это, написанное по-французски, но расцвеченное чисто восточной любезностью, содержит ясные намеки на дипломатические интриги:

Константинополь, 15 октября [1819]
(27 Зилхидже 1234)

Дорогой и благородный друг!

Молодой французский офицер, исполненный усердия и воли, получивший хорошее образование и говорящий по-английски, как на своем родном языке, решил отправиться в Тавриз с Махмедом-Али, который долго пробыл в Англии, совершенствуя свои познания в искусствах и механике. Г-н Этье (так зовут француза) знал в Лондоне и проездом из Англии в Константинополь Мирзу-Залех, Мирзу-Джафара, Мирзу-Резу и Хаджи-Бабу. Они оценили его достоинства и его желание быть полезным; услышав восторженные рассказы о его Королевском Высочестве — принце Аббасе-Мирзе, — он возымел намерение предложить ему свои услуги и принести ему в дар свои способности и свою жизнь. Я счел своим долгом предупредить его о препятствиях, которые могут ему встретиться, но твердая воля и непреклонное решение заставляют его верить, что судьба направляет его в Персию.

Дорогой и благородный друг, поддержите его, будьте его руководителем, его покровителем, в память нашей прежней искренней взаимной дружбы. Рекомендуйте его Его Светлости Мирзе-Безюрку, доброту которого я вспоминаю до сих пор, Мирзе-Абуль-Касему и другим лицам, которые могут оказаться полезными г-ну Этье.

Что же касается вас, дорогой и благородный друг, я писал несколько раз как вам, так и его Высочеству, Мирзе-Безюрку и Мирзе-Абуль-Касему. Я не был осчастливлен ответом, но не сетую на это видимое молчание,

так как уверен, что некоторые лица заинтересованы в том, чтобы перехватывать, читать и задерживать письма, которые мои персидские друзья благоволят мне посылать.

Поэтому вот уже год, как я совершенно не пишу в Тавриз и делаю это сегодня только потому, что есть верная оказия.

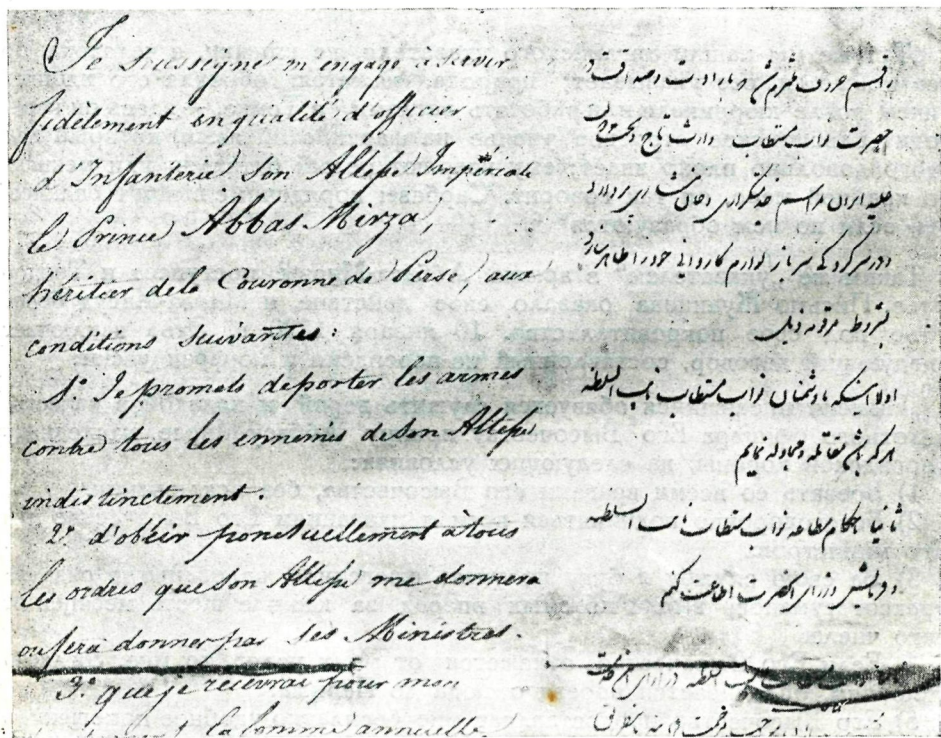
Примите, дорогой и благородный друг, мои самые искренние приветствия, не откажитесь также повергнуть к стопам Его Высочества дар вечной признательности и преданности, которая кончится только с моею жизнью. И поверьте, что, несмотря на то, что я бывал очень несчастен и даже иногда очень обижаем в Персии, все же теперь я сохранил воспоминание только о добре, которое мне там делали или которого мне желали.

Будьте счастливы, дорогой Масуд.

Ваш любящий
Жуаннен⁴

Во французском посольстве в Константинополе Этье встречается с Алларом — будущим партнером Грибоедова в „двадцать-одно“. Аллар — молодой французский офицер — также едет в Персию за счастьем. Они продолжают путь совместно.

В начале января Этье с Алларом приезжают в Тавриз. Благодаря своим рекомендательным письмам они сразу находят приют и кровительство в английской колонии. Этье отлично говорит по-английски, ему удается сблизиться с доктором Кормиком, о котором Мазарович пишет в 1819 г. Грибоедову: „Кажется, что Кормик исполняет обязанности проконсула в Тавризе“⁵.

ДОГОВОР ТЕОДОРА ЭТЬЕ С АББАС-МИРЗОЙ

Частное собрание, Москва

„Мы проехали прямо к доктору Кормику, приближенному принца Аббаса-Мирзы, к которому у нас были письма от британского консула в Константинополе, — пишет Т. Этье, — завтракали у капитана Линдсей — артиллерийского офицера, прикомандированного к наследнику, и поселились в группе построек, окружающих дом поверенного в делах Англии. Познакомились с доктором Делафосс, некогда бывшим военным врачом, потом хирургом ганзейского легиона и перекочевавшим затем вместе с г-жей Кирхов в Персию. Познакомился также с итальянцем Джибелли — командиром 4-го полка итальянской пехоты, прикомандированным к наследнику, с Антонио Бернарди — офицером итальянской артиллерии, с артиллерийским капитаном Линдсей, лейтенантом Гарс, майором Интор и др. Линдсей, Гарс и Кормик присланы своим правительством во время войны России с Персией, а остальные служат сами по себе“.

Многие из этих имен упоминаются в письмах Грибоедова из Персии от 1819—1821 гг.

В те годы европейская колония в Тавризе была довольно многочисленна, а главное пестра. Русские, французы, итальянцы, англичане стекались в Персию — кто с миссией от своего правительства, кто по приглашению самого Аббаса-Мирзы, кто по собственной инициативе в поисках счастья.

Аббас-Мирза стремился с помощью иностранных военных специалистов преобразовать персидскую армию. Множество европейских офицеров, оставшихся после окончания войны не у дел, устремились в Персию и поступали в армию Аббаса-Мирзы в качестве инструкторов.

Во время своего путешествия в Персию Грибоедов сталкивается с одним из них:

„Тут же мы нашли английского указателя, не книжку, а человека. Во все мешается, все указывает; природа, кажется, обрекла его хлопать бичом возле кюрикеля или работать веслами в Темзе, — здесь он переводит альбионское строевое ученье на фарсийский язык, который для этого довольно плохо знает; ему вверяют целый батальон или меньше, по крайней мере, он так говорит. Сарбазы порядочные выйдут балансеры, если по нем образуются“⁶.

Таким же „указателем“ в армию Аббаса-Мирзы поступает и Теодор Этье. Письмо Жуаннена оказало свое действие, и Мирза-Масуд берет Этье под свое покровительство. 10 января 1820 г. Этье заключает следующий договор, составленный по-персидски и по-французски:

„Нижеподписавшийся обязуется служить верой и правдой в качестве пехотного офицера Его Высочеству принцу Аббасу-Мирзе, наследнику персидской короны, на следующих условиях:

- 1) Воевать со всеми врагами его Высочества, без исключения.
- 2) Безоговорочно подчиняться всем приказаниям Его Высочества или Его министров.
- 3) За свою службу я буду получать ежегодное жалованье в размере трехсот туманов, выплачиваемых вперед за каждые шесть месяцев от сего числа.
- 4) Если Его Высочество откажется от моих услуг, то мне, согласно условиям, оплачивается проезд отсюда до Парижа.
- 5) Его Высочество предоставляет мне бесплатно удобное помещение в хорошем состоянии, с коврами, стульями и проч.
- 6) Его Высочество предоставляет мне на выбор двух лошадей или 35 туманов и не менее трех рационов фуража в день, при чем каждый

рацион должен состоять из одной части ячменя и двух частей соломы или сена.

Копия дана в Тавризе десятого января тысяча восемьсот двадцатого года.

Теодор Этье“.

Указом Аббаса-Мирзы Амир-Хану Бегляр-Беку — одному из военачальников, Этье назначался командиром Марандского и Нахичеванского полков. Жизнь в новой стране начиналась удачно. 300 туманов в год — по-тогдашнему почти 1200 рублей — это было жалованье, которое удовлетворило бы не только скромного нормандца. Этье быстро свыкается с новой страной, заводит знакомства. Спустя несколько дней после вступления в службу, он записывает:

„Вместе с Алларом я отправился повидать г-на Мазаровича — итальянца, бывшего некогда врачом в Константинополе и служившего в русском флоте, а ныне назначенного в Персию русским поверенным в делах. Этот господин принял нас очень любезно и даже предупредил нас, что знакомство с ним может нам только повредить, так как персы считают его скорее шпионом, нежели дипломатическим агентом России. Вместе с ним живет его младший брат Спиридон Мазарович, который кажется немного диким. Там же я познакомился с г. Амбургером — секретарем русской миссии, а также с Шамиром и Баба-Бегом — переводчиками миссии, грузинами“.

Повидимому запись эта сделана в те дни, когда Грибоедов находился на пути из Тифлиса в Тавриз, так как иначе Этье непременно встретился бы с ним в миссии. Грибоедов прибыл в Персию почти на год раньше Этье, т. е. в феврале 1819 г., так как Этье долго путешествовал, жил в Константинополе и повидимому останавливался во многих городах по пути. За это время Грибоедов успел побывать в Тегеране — представился шаху, проводил партию русских солдат в Тифлис и, только вторично возвратившись в Тавриз (в начале 1820 г.), встретился и познакомился с Теодором Этье.

В самом конце января 1820 г. Грибоедов приезжает в Тавриз. У него тоже много знакомых среди европейской колонии. Особенно часто бывает он в доме доктора Делафосс, где есть „маленькая de la Fosse“ (Грибоедов).

„Le 2 février [1820] chez le Docteur Delafosse fait connaissance de M-r Alexandre Griboyedoff — secrétaire de la Mission Russe en Perse, jeune homme plein d'amabilité, de talents et depuis ce jour nous avons été très liée“.

Перевод:

„2 февраля [1820] у доктора Делафосс познакомился с г. Александром Грибоедовым — секретарем русской миссии в Персии, молодым человеком, исполненным любезности и талантов, и с этого дня мы были тесно связаны“⁷.

Что же заставило Грибоедова — человека очень требовательного к людям — сойтись с неизвестным французским офицером, наемником Аббаса-Мирзы? В записках Этье мы отчасти находим этому объяснение. У молодого француза был живой, пронизательный ум, он быстро узнал страну и понял народ, с которым ему приходилось иметь дело, тот народ, о котором Корф пишет: „... надо сделать состав из свойств лиси-

цы, кошки и тигра, чтобы получить настоящий персидский характер". Главное же, на чем повидимому сошлись Грибоедов и Этье, — это их обоюдное ироническое отношение к Аббасу-Мирзе. Мы помним резкие отзывы Грибоедова о Наиб-султани. Этье в своих записках разоблачает этого „великого преобразователя Персии“ и яростно нападает на тех, кто, по его словам, введен в заблуждение видимой образованностью наследника. Он возмущается невнимательностью Аббаса-Мирзы к нуждам армии и говорит вместе с Саади: „Не жди доблести от солдат, которых плохо кормишь и которым мало платишь“.

„Принц Аббас-Мирза довольно красивый мужчина лет 36-ти, чрезвычайный любящий беседовать о делах, науках и искусствах Европы. Узнавши от европейцев, с которыми ему приходилось встречаться, имена выдающихся людей, названия государств, а также о важнейших европейских событиях, он может поддерживать довольно продолжительную беседу на эти темы, что ввело в заблуждение и заставило поверить в его ученость многих пишущих о Персии.

Но стоит только углубиться в обсуждение какого-нибудь вопроса, как бедный принц тотчас же оказывается почти столь же невежественным, как и прочие его соотечественники.

Я не заметил, является ли он таким энтузиастом военного дела, как многие писали; во всяком случае теперь он сильно изменился: он не заботится ни о чем, кроме накопления денег.

Он пренебрегает своей мифической армией. Мир, который заключен между Россией и Персией, убедил его в том, что ему уже больше никогда не понадобятся его солдаты, и он о них почти совершенно не заботится. Все это заставляет меня усомниться, действительно ли он столь великий правитель.

Решительности у него не больше, чем у ребенка: что сегодня ему нравится, на завтра становится уже скучным. Вопреки тому, что говорят многие путешественники, я нахожу, что он человек — просто незначительный.

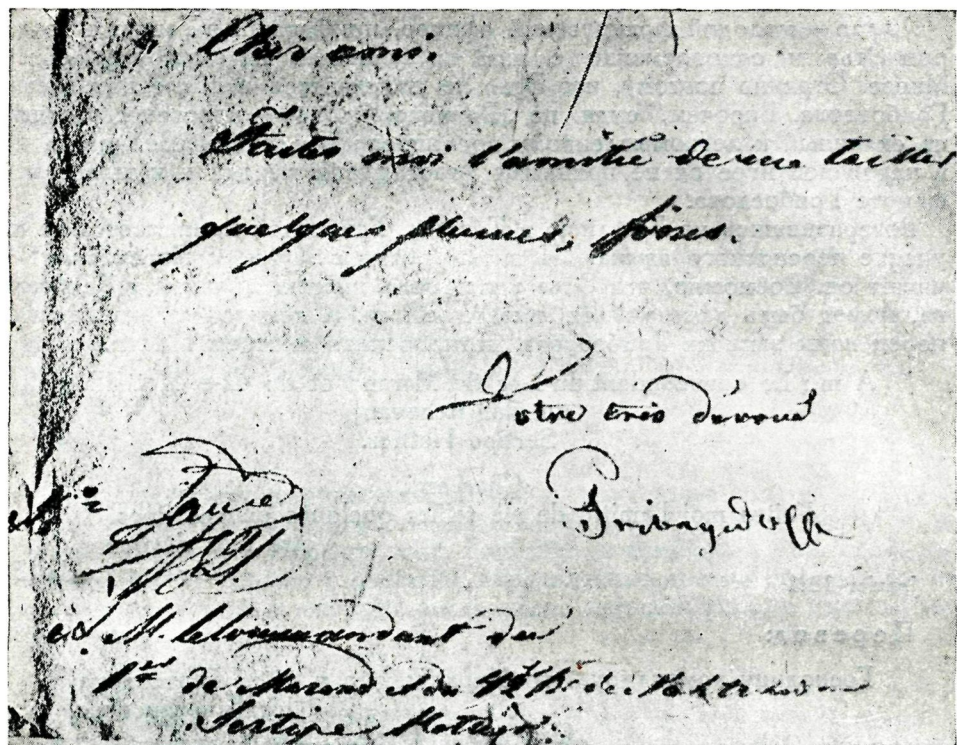
Совсем не стоило бы касаться того, что говорит полковник Коцебу, советник русского посольства, бывший в 1817 г. с Ермоловым в Персии. Этот господин рассказывает с лакейским нахальством, что принц-де говорит на многих европейских языках, знает математику и военное дело.

Что касается языков, то он не в состоянии даже сказать „да“ по-французски или по-английски. Математику принц едва ли знает до Эвклида. Кроме того я хотел бы спросить г-на Коцебу: от кого мог научиться принц военному искусству, искусству, которое и так известно лишь немногим?

Нет, принц не знает ни европейских языков, ни военного дела. Он слегка учился математике, говорит кроме родного языка еще на арабском. Он прекрасный наездник, хорошо владеет ружьем, саблей и пистолетом и стреляет из лука, как редко кто умеет. Вот и все его таланты. Кроме того принц обладает приятной наружностью и говорит с большим изяществом и мягкостью, присущей персидской речи.

Его считают менее жестоким, чем других членов его семейства, но во всем прочем он настоящий Каджар, т. е. представитель рода наиболее ненавидимого в Персии за скупость, разврат, ленивость, свирепость и т. д.“⁸

Мы видим из этой выписки, что даже 300 туманов в год не смягчили мнения Этье о его повелителе. Исполнительный и честный служака, любящий свое дело, он возмущается распушенностью армии, нищенством

ЗАПИСКА ГРИБОЕДОВА К ТЕОДОРУ ЭТЬЕ

Частное собрание, Москва

обмундирования и невнимательным отношением Аббаса-Мирзы к своему войску. Повидимому Этье, как и Грибоедову, в Персии становится не по себе, оба они тоскуют в этой полудикой стране. В письме к А. И. Рыхлевскому от 25 июня 1820 г. Грибоедов пишет:

«... А в блуждалище персидских неправд и бессмыслицы едва лепится политическое существование Симона Мазаровича и его крестоносцев. Что за жизнь! В первый раз отроду вздумал подшутить, отвратить статской службы. В огонь бы лучше бросился Нерчинских заводов и зываю с Иовом: да погибнет день, в который облекся мундиром Иностранной Коллегии, и утро, в которое рекли: Се Титулярный советник. День тот да невзыщет его Господь свыше, ниже да придет на него свет, но да примет его тьма, и сень смертная, и сумрак. — Об моих делах ни слова более, не губить же мне вас моею скукою»⁹.

Из различных писем 1820 г. то к П. А. Катенину, то к Н. А. Каховскому мы узнаем, как складывался быт Грибоедова в Тавризе:

«... К моей скуке я умел примешать разнообразие, распределил часы; скучаю попеременно то с Лугатом Персидским, за который не принимался с сентября, то с деловыми бездельями, то в разговорах с товарищами. Веселость утрачена, не пишу стихов, может и творились бы, да читать некому, сотруженики не русские...»¹⁰

«... Теперь в моде vingt-un с Алларом и Джибелли. Я выигрываю: Мазарович ругает, и еще больше, когда слышит, что маленькую de la Fosse я непременно к себе беру»¹¹.

Аллар — молодой французский офицер, прибывший в Тавриз с Теодором Этье и одновременно с ним поступивший на службу к Аббасу-Мирзе. Странно поэтому, что Этье не упоминается в последнем письме Грибоедова. Впрочем, судя по „Запискам“, Этье — человек серьезный, не склонный к легкомысленному времяпрепровождению. Возможно, что в карточной игре он не принимал участия, так же как и в шалостях и флирте Грибоедова.

Возвратившись из Тифлиса в Тавриз, Грибоедов принимается за изучение персидского языка. „Провожу время с Лугатом Персидским“¹², пишет он. Возможно, что Этье участвовал именно в занятиях Грибоедова, может быть даже учился вместе с ним. К нему обращена лежащая перед нами записка Грибоедова, датированная январем 1821 г.

A m-r Le commandant du 1-er de Marand et du 42-e B[attailon]
du Nah[itchevan]
Sertipe Hettier.

Cher ami.

Faites moi l'amitié de me tailler quelques plumes fines.

Votre très dévoué

Griboedoff

Janvier 1821

Перевод:

Господину командиру 1-го Марандского и 42-го Б[атальона]
Нах[ичеванского]

Сартипу¹³ Этье.

Дорогой друг.

Окажите мне дружескую услугу, очините мне несколько перьев потоньше.

Преданный вам

Грибоедов

Январь 1821

На чужбине люди сближаются быстрее. Случайное знакомство Грибоедова с французским офицером через год вырастает в дружбу. В Тавризе Грибоедов очень одинок. Русская миссия живет замкнуто. „Наш дипломатический монастырь“, отмечает Грибоедов в „Путевых записках“. Он разочарован в политическом такте Мазаровича и с иронией отзывается о нем и его братьях. С англичанами приходится „делать довольную мину при плохой игре“, среди остальных иностранцев он находит либо карточных партнеров, либо собутыльников. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Грибоедов сблизился с умным и бывалым французом.

Кроме непосредственных дружеских чувств в этом сближении могли сыграть роль также и деловые соображения: Грибоедову, как и всякому дипломатическому чиновнику, было несомненно дано правительством секретное задание вербовать среди иностранной колонии в Тавризе тайных сторонников и агентов России.

Среди иностранных офицеров, служивших в армии Аббаса-Мирзы, почти все несли вторую, секретную, службу. Одни были агентами англичан, другие — агентами России. И английские, и русские дипломатические представители находили сторонников главным образом среди итальянцев и французов-бонапартистов, оставшихся „не у дел“. Например одним из таких агентов России был француз Семино, приехавший в Персию якобы для свидания со своей соотечественницей г-жей Ламариньер. Спустя

некоторое время Семино появляется в Тифлисе в мундире капитана русской службы и, не скрываясь, рассказывает о том, что его принимал Николай I и дал ему чин и пожизненную пенсию за то, что Семино рассказал ему „обо всех махинациях англичан“.

Капитан Сюрассон, бывший в 1807 г. с миссией генерала Гардана в Персии, также пишет об одном из секретных агентов — итальянце Галамби.

„... Des agents actifs et zélés entouraient le Prince Abbas et ne négligeaient aucun moyen pour parvenir à leur but. Parmi ceux qui portaient les armes, j'ai connu un officier italien m-r Gallambi qui, étant liés avec les anglais, prenait part dans les intrigues contre la Russie. C'était un homme peut habile et ses chicânes diplomatiques avaient déjà impatienté ceux qui l'on engagé“...

Перевод:

„Принца Аббаса окружили усердные и деятельные агенты, которые не пренебрегали ничем для достижения своей цели. Среди военных я знал итальянского офицера г-на Галамби, связанного с англичанами и принимавшего участие в интригах, направленных против России. Это был человек неловкий, и его дипломатические промахи успели уже надоесть тем, кто его нанял“¹⁴.

Офицеры-бонапартисты охотно шли на секретную службу, так как работа в пользу Англии или России — это была работа против ненавистной бурбоновской Франции. Поэтому можно предположить, что „прощупав“ политические установки Теодора Этье и найдя в нем единомышленника и подходящего во всех смыслах человека, Грибоедов остановил на нем свой выбор.

Мы уже знаем, что молодой француз предприимчив, решителен и по сути своего характера склонен к некоторому авантюризму. В договоре Теодора Этье с Аббасом-Мирзой есть пункт, согласно которому принц отпускает его на родину, оплачивая ему все путевые расходы до Парижа. Перед нами лежит отпускная француза, написанная по-персидски и по-меченная августом 1821 г.:

„Полковник Этье, который до сих пор верой и правдой служил нам и работа которого нами оценена по заслугам, ныне ходатайствует об отпуске. Эту великую грамоту мы даем ему в честь его заслуг, а также для того, чтобы он мог беспрепятственно возвратиться на свою родину. Предписываем не задерживать его и оказывать ему всякое содействие.

В Тавризе дано Аббасом-Мирзой.

Печать:
Аббас — Океан
власти“.

Рукой Грибоедова на обороте персидской отпускной написано по-французски:

Le soussigné certifie que le present [Rakam]¹⁵, muni du sceau de Son Altesse le Naib Sultan a été delivré au Divan de Prince Abbas Mirza à Tabriz, en foi de quoi il a été muni du sceau de la Mission de Sa Majesté l'Empereur de Russie à la chancellerie de Son chargé d'Affaires en Péersse. Tabriz, 14/27 Août 1821.

Secrétaire de la Mission A. Griboyedoff

Перевод:

Нижеследующее свидетельствует, что настоящий [Ракам], снабженный печатью Его Высочества Наиб-Султана, действительно выдан Диваном принца Аббаса-Мирзы в Тавризе, что удостоверяется приложением печати миссии Его Величества русского Императора в канцелярии Его поверенного в делах в Персии. Тавриз 14/27 августа 1821.

Секретарь миссии А. Грибоедов

Эта „виза“ Грибоедова на персидском документе заставляет думать, что Этье, освобожденный от службы Аббаса-Мирзы, окончательно перешел в ведение и под покровительство русской миссии. Так утверждает официальная бумага. Но и приведенное выше свидетельство Сюрассона, и все дальнейшие отношения Грибоедова с Теодором Этье не позволяют предполагать, что француз играл гораздо более значительную роль, нежели рядовой военный инструктор или „негоциант“, как он именова себя впоследствии. Позже мы увидим, что Грибоедов вводит его в лучшие дома Тифлиса, что Теодора Этье принимает сам Аббас-Мирза, и т. д.

В свете такой дипломатической игры совершенно по-иному звучит и невинная на первый взгляд записка Грибоедова сартипу Теодору Этье. К чему бы, кажется, просить офицера в генеральском чине, командира двух полков, о такой безделице, как чинка перьев? Да еще просить специальной запиской, старательно выписав на адресе все чины Теодора Этье! И если правильно предположение, что Этье был правительственным агентом, то не является ли просьба очинить перья — специальным шифром, установленным между Грибоедовым и Этье?

Как бы то ни было, ясно одно: Грибоедов и Этье связаны какими-то общими делами и дела эти, по всей вероятности, дипломатического порядка.

Такое сближение чиновника русской миссии с французским офицером не могло компрометировать Грибоедова в глазах иностранной колонии, так как Этье находился в Персии не в качестве официального лица, а по собственной инициативе и служил в войсках Аббаса-Мирзы по вольному найму.

В ноябре 1821 г. Грибоедов уезжает из Тавриза в Тифлис. Очевидно вместе с ним едет и Теодор Этье. Мы видели отпускную французца, датированную августом 1821 г., т. е. незадолго до отъезда Грибоедова. Кроме того перед нами лежат подорожные, выданные Аббасом-Мирзой „знатым иностранцам“ с приказом всем червадарам ¹⁶ оказывать едущим всякое содействие. Таким образом ни большой оклад, ни высокий чин не могли удержать молодого французца в Персии. Даже вспыхнувшая война между Персией и Турцией не заставила его — инструктора персидской армии — отложить свой отъезд. Прямых указаний на пребывание Этье с Грибоедовым в Тифлисе нет, но три года спустя, в 1824 г., в Тифлисе (вторичное путешествие в Персию) Этье, посетив генерала Ховена, Прасковью Николаевну Ахвердову, ген. Вельяминова и других друзей Грибоедова, называет их „anciens connaissances“, т. е. „старыми знакомыми“. Он стало быть познакомился с ними раньше, и кто, как не Грибоедов, ввел его в эти дома, где сам поэт бывал почти ежедневно?

8 мая 1822 г. Грибоедов пишет Мазаровичу из Тифлиса: „... Если у Вас есть французская или русская копия Гюлистанского договора, то Вы очень обяжете меня, предоставив ее мне“ ¹⁷.

Гюлистанский договор был заключен между Россией и Персией в 1813 г. По этому договору Персия признавала владычество России над

пограничными ханствами: Ширвинским, Шекинским, Карабагским, Ганджинским и Талышинским. Вероятно по служебному делу Грибоедову понадобился точный текст договора, но повидимому Мазарович не выслал его; перед нами лежит записка Грибоедова Теодору Этье на клочке картона; она написана вероятно в Тифлисе в тот же период, т. е. весной 1822 г.

Cher ami,

Prêtez moi je vous prie votre Gulistan pour un petit instant.

*Votre très dévoué
Griboyedoff*

Перевод:

Дорогой друг,

Пожалуйста одолжите мне ненадолго ваш Гюлистан.

Преданный вам
Грибоедов

„Одолжите мне ненадолго“ — обычно такие записки пишутся из дома в дом, т. е. в том же городе, так что можно предполагать, что Грибоедов писал ее Этье, находившемуся в это время также в Тифлисе. „Гюлистан“ может одинаково означать и „Гюлистанский трактат“, и поэму Саади „Гюлистан“ („Сад роз“). Грибоедов в Тифлисе усердно занимался персидским языком и возможно, что ему понадобился подлинник поэмы. Но вернее все-таки предположить, что в записке речь идет именно о

«ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ ПАСКЕВИЧА С ПЕРСИДСКИМ НАСЛЕДНИКОМ АББАС-МИРЗОЙ»

Картина маслом В. Залесского

Государственный Социально-Исторический Музей, Гомель

договоре, так как, судя по всему, Этье интересовался более историей и политикой Персии, нежели ее литературой, и вряд ли хранил поэму Саади.

II

На время следы Теодора Этье теряются. Что он делает в Тифлисе, чем живет эти годы — нам неизвестно. Мы встретимся с ним снова уже в Москве в год возвращения Грибоедова из Персии, т. е. в 1823 г. У нас имеется даже его точный адрес, написанный рукою Грибоедова:

„На Марасейке, дом Лакчина, у Корде винопродавца“.

Когда приехал Этье в Москву? Возможно, что он ехал вместе с Грибоедовым, который возвратился из Тифлиса в Москву в конце марта 1823 г. Вероятность этого предположения подтверждается фразой из путевого дневника Теодора Этье. Возвращаясь из второго путешествия в Персию в феврале 1825 г. через Серпухов в Москву, Этье пишет: „Город очень украсился за два года, что я его не видел“. Стало быть он уже проезжал Серпухов в начале 1823 г., т. е. тогда же, когда Грибоедов ехал в Москву.

19 мая 1823 г. Грибоедов пишет Этье:

Cher Hettier, si vous pouvez disposer de vous vers les 3 heures, je vous ferai dîner avec Vsevolodsky, dont je vous ai parlé et qui est très intéressé de faire votre connaissance.

Votre très dévoué
Griboïedoff

19 mai 1823

(На обороте рукою Грибоедова надписан адрес: *Monsieur Monsieur Hettier. На Марасейке, дом Лакчина, у Корде винопродавца“.*)

Перевод:

Дорогой Этье, если вы располагаете собой около трех часов, приходите ко мне отобедать с Всеволожским, о котором я вам говорил и который очень хочет с вами познакомиться.

Преданный вам
Грибоедов

19 мая 1823

19 мая 1823 г. — очень знаменательная дата, ибо знакомство Теодора Этье с Александром Всеволожским открыло эру бурной коммерческой деятельности, в которой кроме обоих партнеров принимали участие Грибоедов и его мать — Настасья Федоровна.

К началу 20-х годов состояние Грибоедовых было сильно расстроено. По свидетельству Лыкошина, секунд-майор Сергей Иванович Грибоедов „или жил в деревне, далеко от семьи, или, когда приезжал в Москву, то проводил дни и ночи за азартною игрою вне дома и расстроил сильно имение“.

Настасья Федоровна Грибоедова, хотя и владела тысячью душами, однако часто нуждалась в деньгах¹⁸. Она сама вела дела по имению, рассчитывалась с управляющими, сводила концы с концами и старалась поддержать хотя бы внешний вид благосостояния. В доме была девушка-невеста — Мария Сергеевна, надо было выезжать,

принимать у себя. Настасья Федоровна очень настаивала на отъезде Грибоедова в Персию, так как ждала от дипломатической карьеры сына немало выгод для семьи. Грибоедов был постоянно стеснен в деньгах. Даже уезжая в Персию полномочным министром, он пишет Булгарину о своих многочисленных долгах.

В 1824—1825 гг., по возвращении в Россию, нужда Грибоедова в деньгах становится особенно острой. Дорога в ломбард ему хорошо знакома. В целом ряде писем к Бегичеву Грибоедов жалуется на безденежье. В июле 1824 г. он пишет из Петербурга:

„...1000 рублей я не получал, а нужда смертная, но похвали меня, приехал сюда ровно с тысячью рублями, три беленькие 25-рублевые и несколько синих ведутся, живу в трактире, сперва обедал каждый день в клубе, а теперь чаще всего дома“¹⁹.

31 августа 1824 г.: „...проклятый недочет в прогонах все испортил, взять было неоткуда, лев и солнце давно уже покоятся в ломбарде“²⁰. 9 сентября 1825 г. из Симферополя: „...Твои 1500 р. я получил еще перед исходом прошедшего месяца. Объяснить тебе вполне благодарности не умею: без тебя мой корабль остался бы на мели, пришлось бы зимовать здесь“²¹.

Немудрено, что, возвратившись в Россию „бедным Иром“, Грибоедов серьезно задумывается над предприятиями, которые могли бы принести верный и быстрый доход. Позади осталась Персия—золотое дно для всяких коммерческих сделок. Братья русского поверенного в делах, Симона Мазаровича, широко использовали свое пребывание в Тавризе для скупки персидских товаров. Еще в 1819 г. секретарь миссии Амбургер говорил Муравьеву, что братья Мазаровича „совершенно пустились без стыда в торги и таскаются по базарам для закупки товаров, которые они намерены продать в России“.

Если об этих сделках знал Амбургер, то знал и Грибоедов. И порицая вероятно, с одной стороны, поведение братьев Мазаровича, компрометирующее звание русского поверенного в делах, он, с другой стороны, не мог не сознавать выгоды таких сделок и тех барышей, которые получали братья „Коэфоры“ от своих закупок.

В Тавризе Грибоедов мог ясно видеть те огромные выгоды, которые представляла для России и для всякого русского коммерсанта торговля с Персией.

До 1734 г. русский торговый капитал не встречал на Востоке конкуренции ни с чьей стороны. Позже торговый договор с Англией открыл путь в Персию английскому капиталу. Но уже в 1746 г. по политическим соображениям англичане были лишены преимуществ этого договора. Торговля с Персией перешла главным образом в руки армян. Учрежденное при Елизавете Петровне в 1758 г. „Персидское торговое общество“ не оказало никакого влияния на оживление товарообмена России с Персией, а в 1762 г., в связи с закрытием монопольных товариществ, это общество прекратило свое кратковременное существование. Присоединение Грузии к России в значительной степени должно было оживить торговлю с Персией. Но русской торговле сильно вредила теперь конкуренция со стороны англичан. Помимо старинной караванной дороги Трапезунд—Тавриз англичане в широких размерах прибегали к транзиту товаров через Закавказье. Из Трапезунда они ежегодно отправляли в Персию 5½ тысяч выюков текстильных изделий и на 5½ млн. рублей сахара и рома.

Находясь в 1819—1821 гг. в Персии, Грибоедов видел, что англичане снова мало-помалу становятся монополистами на персидском рынке,

что английские торговые обычаи, английский капитал снова завоевывают в Персии безраздельное господство.

Со стороны Грибоедова как представителя русских интересов в Персии такая монополия не могла не встретить рассчитанного противодействия. В 1822 г. он пишет из Тифлиса Мазаровичу: „Дорогой Мазарович, какую дополнительную статью Вы составили по-персидски в пользу наших купцов? Если у Вас есть черновик, прошу Вас одолжить мне его, и, поверьте, что если статья эта, как я не сомневаюсь, поддерживает интересы нашей коммерции, то главнокомандующий сумеет ее оценить и в свое время представить на одобрение императорского министерства, указав на то, что Вы ее автор...“²²

Грибоедов начинает активную борьбу за интересы русского капитала, борьбу, которая питается несомненно и глубокой личной заинтересованностью. Он и в Персию едет потому, что страна эта может дать богатство, независимость, свободу. Но ему—дипломатическому представителю—заниматься торговлей невозможно. Нужно подыскать делового человека, знающего Персию, ее язык и обычаи, имеющего там знакомства, а главное такого, который не испугался бы трудностей длинного и опасного путешествия. Таким человеком, отвечающим всем требованиям, был француз Теодор Этье.

Дело надо ставить широко, нужны деньги, и деньги большие. Вероятно свободных средств у самого Грибоедова не было. Один из первых встреченных им по приезде в Москву друзей был Александр Всеволожский, давно уже связанный делами и дружбой с самой Настасьей Федоровной Грибоедовой.

„Александр Сев. Всеволожский, брат Никиты, служил в Коллегии Иностр. дел одновременно с Грибоедовым и мог сблизиться с ним еще там; они могли встречаться и в Москве (под Москвою у Всеволожских было известное имение)“²³.

„В тот же сезон 1823—24 г. Грибоедов часто встречался и проводил время в Москве с Алекс. Севол. Всеволожским, который был хороший музыкант и писал романсы. Сын его, покойный директор Эрмитажа И. В. Всеволожский, рассказывал мне, что его отец с детства был в самых дружеских отношениях с автором „Горя от ума“ и пользовался особым расположением даже суровой матери Грибоедова“²⁴.

Расположение Настасьи Федоровны к А. В. Всеволожскому простиралось до того, что она давала ему деньги взаймы и доверяла ему ведение своих дел.

„...Скажи Александру Всеволожскому, что Одоевский требует от матушки уплату долга—5000 рублей,—пишет Грибоедов 12 июня 1828 г. Ф. В. Булгарину,—может ли он уплатить ему за матушку (которой он сам должен тридцать четыре тысячи). Она совестлива, больна и безденежна. Александр меня любит и честен. Поговори ему и понудь его непременно сделать мне приятное“²⁵.

Занятия музыкой, сочинение романсов не мешали А. В. Всеволожскому усердно заниматься делами. Он владел железоделательными заводами в Пермской губернии, рыбными промыслами в Астрахани и ежегодно ездил торговать на Нижегородскую ярмарку, являлся, короче говоря, типичным представителем той прослойки крупного, зажиточного дворянства, которая легче всего приспосаблилась к новым промышленно-капиталистическим отношениям, идущим на смену старому феодально-крепостническому хозяйственному укладу.

Возможно, что по приезде Грибоедова в Москву Настасья Федоровна сама указала сыну на Всеволожского как на человека, обладаю-

*Cher ami,
 Notez moi si vous priez votre
 Griboev pour un petit instant.
 Votre dévoué
 Griboev*

ЗАПИСКА ГРИБОЕДОВА К ТЕОДОРУ ЭТЬЕ

Частное собрание, Москва

щего, несмотря на весь свой аристократизм, чисто купеческой сметкой.

19 мая на обеде у Грибоедова состоялось знакомство Теодора Этье с Александром Всеволожским. Знакомство это оказалось повидимому как приятным, так и полезным для всех троих: уже в следующие месяцы оно вырастает в тесную дружескую и деловую связь. 10 июля 1823 г. А. Всеволожский пишет Этье:

Я только что приехал из деревни, дорогой г-н Этье, для того, чтобы повидаться с Грибоедовым, и так как он хочет Вас видеть, приходите, если можете, ко мне, Вы обяжете нас обоих.

Ваш А. Всеволожский

10 июля 1823 г.

На обороте адрес: „Г-ну Этье“ и приписка рукой Грибоедова: „Поторопитесь, потому что мы собираемся обедать. Грибоедов“.

Судя по этой записке, Всеволожский вернулся из деревни специально для того, чтобы повидаться с Грибоедовым, который тоже откуда-то приехал. Н. К. Пиксанов в „Избранных хронологических датах к биографии А. С. Грибоедова“²⁶ говорит, что июнь—август 1823 г. Грибоедов провел в деревне Бегичева в Тульской губернии. Из записки Всеволожского с припиской Грибоедова ясно, что в июне Грибоедов был в Москве. Остается допустить, что он либо приехал в Москву специально ради этого свидания, либо уехал в деревню Бегичева позже, тем более, что в опубликованном письме к А. Всеволожскому из деревни Бегичева²⁷ он пишет „...Опоздавши выездом из Москвы, чтобы сюда перенестись“, и т. д.

Вполне вероятно, таким образом, что именно 10 июля 1823 г. Всеволожский, Этье и Грибоедов обсуждали план организации коммерческого предприятия для товарообмена с Персией. Возможно также, что компаньоны набросали приблизительную смету необходимых расходов и что расходы эти превзошли средства, которыми они располагали. Через несколько дней после этого свидания Грибоедов уехал в Тульскую губернию в имение Бегичева, а Всеволожский—в Нижний, где в начале августа открывалась ярмарка.

С 1817 г. ярмарка была перенесена из с. Макарьева в Нижний-Новгород, что вызвало большое недовольство в среде московских купцов, боявшихся, что „торговля может потерпеть в величайшей степени от неудобности местоположения в Нижнем-Новгороде и от непривычки торговцев упадок“.

В первой половине XIX века Нижегородская ярмарка имела огромное значение для народнохозяйственной жизни России. По Москве, Оке, Волге, Каме, Каспийскому морю направлялись товары на ярмарку. Восточные купцы со своими товарами, русские купцы с иностранными и отечественными фабрикатами, помещики со своими продуктами составляли главную массу продавцов. Потребителям предлагали мануфактуру, галантерею, парфюмерию, кожаный и кондитерский товар, чай, вино, табак, папиросы, серебро и золото, стеклянные и керамические изделия, химикалии. Сюда же привозились и продукты сельского хозяйства из помещичьих имений: лен, хлеб.

На Нижегородской ярмарке 1823 г., куда поехал А. Всеволожский, было продано товаров на 40 $\frac{1}{2}$ млн. рублей. По всей вероятности Всеволожский возил на ярмарку продукцию своих пермских заводов.

В августе 1823 г. Грибоедов пишет А. Всеволожскому из имения Бегичева:

„...по дольшей разлуке, в Москве дружнее обнимемся. А мне туда след будет непременно, коли скоро отсюда неуберусь; близок сентябрь, какой же честный человек в осеннюю, суровую пору решится ехать в Тифлис. Коммерческие наши замыслы тоже рушились за безденежьем всей компании*. Сговоримся в Москве, склеим как нибудь, коли взаимная польза соединит нас, право это хорошо, а если нет, утешимся, взаимная добрая приязнь давно уже нас соединила, и это еще лучше. Прощай, любезный Александр; не замешкайся, будь здоров, помни об своем милом семействе, а иногда и обо мне.

Верный твой А. Грибоедов

Коли это письмо „застанет тебя в Нижнем, потрудись велеть разведать, как деятелен обмен нынешнего года с Персиянами, и на какие именно статьи более требования для выпуска и привозу“²⁸.

„О каких „коммерческих замыслах“ говорит Грибоедов, пока неизвестно“, пишет Н. К. Пиксанов в примечаниях к письму. Мы же приводим это письмо как ценное для нас подтверждение того, что Грибоедов занимался коммерцией в компании с Всеволожским и, как теперь известно, с Теодором Этье. Временно коммерческие замыслы были прекращены „за безденежьем всей компании“, а также за отъездом Грибоедова. Но даже и в отсутствии Грибоедова А. Всеволожский продолжает видеться с Этье, и их деловая дружба крепнет. 22 сентября 1823 г. он пишет Этье:

* Разрядка моя.—Н. К.

22 [сентября] 1823 г.

Сегодня вечером я уезжаю в деревню, дорогой г-н Этье, и возвращусь в город только в среду. Завтра, то-есть в четверг, со мной обещали встретиться купцы, которые хотят купить мои товары. Таким образом, я должен отложить удовольствие видеть Вас до пятницы, но если я вернусь из деревни завтра, я приду к Вам, или дам Вам знать об этом.

Дружеский привет.

А. Всеволожский

Очевидно за это время дружба Всеволожского с французом настолько окрепла, что они бывают друг у друга и Теодор Этье осведомлен о приездах и отъездах Всеволожского.

В сентябре Грибоедов возвращается с Бегичевым в Москву. Повидимому „коммерческие замыслы“ продолжают тревожить его. Перед нами лежит записка Грибоедова к Этье без даты, но написанная, предположительно, именно в этот период, т. е. в первые дни возвращения из деревни:

Mon ami, je suis de retour à Moscou et vous m'obligerez beaucoup en venant chez moi.

Votre très dévoué

A. Griboyedoff

Перевод:

Друг мой, я возвратился в Москву, и вы очень обяжете меня, приехав ко мне.

Преданный вам

А. Грибоедов

Вероятно Этье запрашивает Всеволожского, виделся ли он с вернувшимся Грибоедовым, потому что у нас имеется ответ Всеволожского:

Грибоедов еще не был у меня, но сегодня я надеюсь иметь это удовольствие.

Сегодня утром Софи лучше, а я все еще не могу избиться от моего насморка.

Я Вам очень благодарен, дорогой Этье, за то, что Вы нас вспомнили, верьте моей преданности.

Ваш А. Всеволожский

15 [сентября] 1823 г.

Эти короткие, отрывочные записки ценны для нас как свидетельства растущей дружбы между корреспондентами. Француз Этье входит в дома Грибоедова и Всеволожского, он знакомится с семьями своих друзей, он спрашивает о здоровье домашних. Предприимчивый, практичный, умеющий быстро ориентироваться во всех обстоятельствах Теодор Этье вскоре становится необходимым для Всеволожского. Всеволожский посвящает французам свои дела, часто просит заменить его в поездках, заключить за него торговую сделку. 6 января 1824 г. он пишет Этье:

6 января 1824 г.

Сказав Вам вчера, дорогой г-н Этье, что я смогу завтра поехать осматривать ружья, я совсем позабыл о том, что это день именин моего тестя и что мне нельзя не поздравить его у обедни. Таким об-

разом я не смогу поехать с Вами, но умоляю Вас, г-н Этье, не упустить этого случая и оказать мне любезность: взять лошадей за мой счет, купить образцы, которые Вы сочтете нужными, и условиться с владельцем товара, как мы с Вами решили. Вы понимаете в этом лучше меня и, конечно, разрешите мне воспользоваться Вашим опытом.

Не сердитесь на меня за то, что я обманул Вас, и примите уверение в совершенном почтении.

Покойной ночи.

Дружеский привет.

А. Всеволожский.

Всеволожский просит у Этье позволения „воспользоваться его опытом“ и осмотреть ружья (вероятно тульских заводов), которые он хочет купить и в которых Этье как военный разбирается лучше. Повидимому Этье, несмотря на незнание страны, очень успешно справлялся со всеми порученными ему делами.

14 апреля 1824 г. в церкви св. Людовика в Москве старший кюрэ благословляет брак Жана-Пьера-Теодора Этье и Анны-Франсуазы Корде—сестры домохозяина, у которого квартировал Этье. В женитьбе друга-француза принимают деятельное участие Грибоедов и Всеволожский. На брачном контракте перед подписями Давида Корде, брата невесты, и Жюля Коллин, торговца из Одессы, стоят подписи свидетелей—Александра Всеволожского и Александра Грибоедова.

По приезде в Москву в 1823 г. Грибоедов очевидно тотчас же ввел Теодора Этье в свой дом и познакомил его со своим семейством. Очевидно также, что Этье сумел понравиться и Настасье Федоровне, и Марье Сергеевне и подружился с ними, потому что первого ребенка супругов Этье—сына Александра—в том же 1824 г. крестят Александр Всеволожский и Мария Сергеевна Грибоедова—сестра поэта. Впоследствии второго сына Этье крестит сама Настасья Федоровна Грибоедова.

В конце мая 1824 г. Грибоедов уезжает в Петербург. Для него наступает горячая литературная пора. Он хлопочет о принятии „Горя от ума“ на сцену, переделывает из-за цензурных условий наиболее резкие места, ведет полемику с литературными врагами—словом, ему как будто не до торговых дел. Однако нужда в деньгах напоминает о себе все острее.

В то же время в Москве Этье окончательно входит в дела семьи Грибоедовых и берет на себя посредничество между А. Всеволожским и Настасьей Федоровной Грибоедовой, которая повидимому вполне ему доверяла. 17 июня 1824 г. А. Всеволожский пишет ему из своего подмосковного имения:

Г-ну Э. на Маросейке.

17 июля 1824, Знаменское

Вы, разумеется, удивились, дорогой Этье, не получивши бумагу, которую я должен был прислать Вам для передачи г-же Грибоедовой. Все было сделано, как вам известно, но встретились препятствия, которые мешают составить упомянутое условие, согласно правилам, если только г-жа Грибоедова не захочет записаться купцом 1-ой гильдии, что ввело бы ее в излишние расходы. Приказчик мой Василий Васильевич расскажет Вам обо всем более подробно, а Вы будете любезны передать это г-же Г. Единственным для нее способом приобщиться к этой сделке было бы положиться на мое слово и выдать сумму под

N° 1.

Cher Théodore, si vous pouvez disposer de vous
vers les 3 heures, je vous ferai deux ou trois
vers. dont j'en ai écrit quelques-uns hier soir.
Je finis votre connaissance.

Votre ami

Грибоедов

19 mai 1823.

ЗАПИСКА ГРИБЕДОВА К ТЕОДОРУ ЭТЬЕ
Частное собрание, Москва

Monsieur

Monsieur Théodore

На Карасийск давал Лактина
у Корде винопродавца.

ОБОРОТ ЗАПИСКИ ГРИБЕДОВА К ТЕОДОРУ ЭТЬЕ
Частное собрание, Москва

заемное письмо или же актом, подписанным при свидетелях, но без регистрации у нотариуса.

Последний способ так же, как выдача суммы под видом займа, разумеется, не подойдет г-же Г., но она может убедиться, сколь я хотел сделать ей приятное, принимая ее предложения. В четверг я буду в городе и, если она еще в Москве, я непременно зайти к ней.

Если Вы свободны, прошу Вас притти ко мне обедать в четверг в 2¹/₂ часа; Вы до этого времени, конечно, увидите г-жу Г. и сообщите мне о результате Ваших переговоров.

Поклонитесь от меня (при этом удобном случае) Вашей супруге и верьте искренности моих дружеских чувств.

Дружеский привет.

А. Всеволожский

Из приведенного письма ясно, что Н. Ф. Грибоедова предлагала вложить некоторую сумму денег в какое-то торговое предприятие, но желала оформить эту передачу документально. В 20-х годах за право торговли государством взымалась гильдейская подать. Поэтому многие дворяне, занимавшиеся торговлей, были вынуждены записываться в купеческое звание. По манифесту 1807 г. лица, владеющие капиталом не менее 50 тыс., должны были принадлежать к первой гильдии, при чем за принадлежность к первой гильдии ежегодно взималось 600 рублей. Таким образом, если Настасья Федоровна Грибоедова желала официально вступить в торговое предприятие, она должна была записаться купцом первой гильдии и внести 600 рублей, т. е. понести те „излишние расходы“, о которых пишет А. Всеволожский.

Очевидно Теодор Этье был посредником в переговорах между Всеволожским и Грибоедовой, возможно даже, что в этот период именно он вел дела Грибоедовых, так как из письма ясно, что он видался с Настасьей Федоровной чуть не ежедневно.

Деловые отношения с Настасьей Федоровной Грибоедовой требовали много выдержки, умения и хладнокровия. Настасья Федоровна, по свидетельству всех, знавших ее, была человеком властным, крутым, непокладистым. В вопросах денежного порядка все отрицательные стороны ее характера выступали наружу. Известно столкновение ее с Булгариным, когда она, после смерти Грибоедова, требовала с Булгарина 34 тысячи рублей, будто бы принадлежавших поэту²⁹.

„... Прием г-жи Грибоедовой удивил меня до крайности, — пишет Булгарин в жалобном письме А. Х. Бенкендорфу. — Она говорила со мною таким образом, как говорят с подьячим или поверенным, а не как с другом, который действовал не из выгод, но даже в тягость себе и пользовался неограниченной доверенностью ее сына... Во-вторых г-жа Грибоедова утверждала передо мной, что ей известно, что сын ее не оставил ни копейки долгу в Петербурге, выезжая в Персию, но все закупил на наличные деньги, и что у меня осталось наличных денег 34000 рублей, которые я должен отдать ей, г-же Грибоедовой, не считываясь ни с сестрою покойного, ни с женою. Таковые слова г-жи Грибоедовой крайне оскорбительны для меня и более, нежели несправедливы“.

Повидимому Теодор Этье был сильно предан Грибоедову, если брал на себя ведение деловых переговоров с Настасьей Федоровной. Но нам известна предприимчивость и смелость француза. В Персии Теодору Этье уже приходилось работать в более крупных масштабах, он соединял в себе военного и политика. Превращение в мелкого комиссионера

ему не нравится, посредничество в торговых сделках его уже не удовлетворяет.

Теодор Этье мечтает о большом коммерческом предприятии, он убеждает Грибоедова и Всеволожского, и отложенная на время мысль о торговле с Персией снова овладевает компаньонами. Возможно, что еще перед отъездом в Петербург Грибоедов вместе с Всеволожским и Этье решил, что Этье поедет в Персию „на разведку“, и дал ему письма к друзьям в Грузию и Персию, необходимые инструкции и т. д. Кроме того, как мы увидим ниже, у Теодора Этье были повидимому и некоторые поручения дипломатического порядка. Недаром его в Персии принимают первые сановники двора и даже сам принц Аббас-Мирза. Трудно поэтому предположить, что Теодор Этье уехал в Персию без ведома Грибоедова. Вернее, что Этье и Всеволожский ждали его приезда из Петербурга для окончательных указаний, так как перед нами лежит напутственная записка А. Всеволожского Теодору Этье:

Грибоедов все еще в Петербурге, и я совершенно не знаю, где его семейство.

Я с нетерпением ожидаю от Вас известий, желаю Вам счастливого пути и столько удовольствия, сколько может Вам дать страна и Ваши собственные занятия.

Примите уверение в совершенном почтении, с которым имею честь быть

Ваш покорнейший слуга
А. Всеволожский

Компаньоны так и не дождались возвращения Грибоедова, так как хлопоты о постановке комедии задержали его в Петербурге до весны 1825 г. Между тем стояло самое благоприятное для поездки время года. Надо было торопиться, чтобы прибыть в Персию до наступления холодов.

24 июля 1824 г. Теодор Этье уезжает в Персию. Он везет с собою довольно большую партию товара, закупленную очевидно на общие средства компаньонов, и некоторую сумму денег на расходы. Аккуратно день за днем ведет он „путевой дневник-отчет“, из которого мы узнаем подробности этой поездки.

III

Этье едет в собственной повозке, но на перекладных. Стоит июль, пыль засыпает путника, горло пересыхает от жажды, повозка трясется по кочкам. Только через пять недель Этье добирается до Тифлиса. По дороге он останавливается во Владикавказе у майора Огарева — „друга Грибоедова, человека очень любезного, так же как и его супруга“⁸⁰.

Утром 1 сентября Теодор Этье приезжает в Тифлис.

„После бани я отправился к губернатору (генералу Ховену), посетил ген. Вельяминова, г-жу Ахвердову, д-ра Мартиненго, Джибелли и г-на Сегон — служащего французского консульства, которому я передал письмо. Тифлис украшается с каждым днем, генерал Ермолов приказал выравнивать все улицы. Выехал из Тифлиса 9 сентября“.

В этих строках путевого дневника Теодора Этье мы находим подтверждение тому, что он уже был в Тифлисе, возможно тогда же, когда там жил Грибоедов, т. е. в 1821—1822 гг. Как мы уже упоминали, генерал Ховен, Ахвердова, ген. Вельяминов составляли тот круг людей, в котором вращался Грибоедов.

Во французском консульстве в Тифлисе Этье получает подорожную, где сказано, что консульство просит оказывать Теодору Этье—французскому негоднианту—всяческое содействие. Он продолжает свой путь, имея на руках множество документов и рекомендательных писем, имея всюду по дороге то агентом крупного русского торгового дома, то французским купцом.

В Эривани Этье отправляется на базар и приценивается к шелкам и шалям, но цены кажутся ему высокими. Он встречает француза, путешествующего от одной из лионских фирм, и старается выпытать у него подробности спроса.

23 сентября 1824 г., спустя четыре года, он снова видит перед собой валы и крепостные стены Тавриза.

„Прибыв в Тавриз, я заехал сначала к капитану Хорту — англичанину, моему старому приятелю, от него я узнал, что г-н Мазарович также только что приехал из Тегерана. Я написал ему, прося предоставить мне свободное помещение, принадлежащее его миссии, что он тотчас же и сделал. Вечером ужинал у доктора Кормика с Хортом и Монтисом. На завтра ожидал почти до двух часов моих вещей, которые задержались в дороге. Вечером был у г-на Амбургера, секретаря русской миссии, приехавшего в этот день и также знакомого мне еще по первому моему пребыванию в Персии. Днем посетил г-на и г-жу Мазарович и г-на Бернарди — итальянского артиллерийского офицера, находящегося на службе принца в продолжение 7 лет“³¹.

Роль Этье в Персии на первый взгляд чрезвычайно загадочна. С одной стороны, он как будто является частным лицом, обыкновенным купцом-французом, который едет сбывать свои товары и покупать персидские, а с другой — ему предоставляется помещение в русской миссии, он наносит визит Мазаровичу и кроме того получает аудиенцию у самого Аббаса-Мирзы. Вот его рассказ об этом:

„27 сентября в полдень я имел честь получить аудиенцию у Е. К. В. принца Аббаса-Мирзы, который принял меня чрезвычайно любезно. Он предложил дать мне для моей безопасности мехмендара и Рагкам³², говоря, что так как я находился у него на службе, то ныне он берет меня под свое покровительство. Я охотно принял его Рагкам, но от мехмендара отказался: по мне лучше иметь собственного слугу, потому что мехмендары вас только сопровождают. Я также предложил ему мои услуги. Он спросил меня, со мной ли мои товары, и на мой ответ, что они еще не прибыли, сказал, что он их посмотрит. Потом, после нескольких вопросов о том, что я делал со времени моего отъезда из Тавриза, он разрешил мне удалиться. Я возобновил знакомство с Мирзой-Джафаром — близким другом Мирзы-Залех, который обещал мне поговорить с принцем и предложить ему воспользоваться мной для снабжения дворца различными вещами. Я сказал, что моя фирма не будет благодарной по отношению к нему, если он устроит нам какое-нибудь дело. Он мне все это обещал“³³.

Этье всюду любезно принят, к нему внешне одинаково радушно относятся как англичане, его злейшие торговые конкуренты, так и персы, как итальянцы, так и русские. „Со времени моего приезда я был отлично принят англичанами, которые находятся в Тавризе“, записывает он в дневник.

Из Тавриза Этье едет в глубь страны через Казвин в Тегеран. Он везет с собой грамоту Аббаса-Мирзы, предписывающую каждому в Пер-

ТЕОДОР ЭТЬЕ

Дагерротип

Частное собрание, Москва.

сии оказывать содействие французскому купцу и путешественнику Т. Этье.

Приближаясь к Тегерану, Этье посылает вперед слугу с письмом к английскому поверенному в делах м-ру Виллоку, прося подыскать ему помещение. У ворот Тегерана Теодора Этье встречает посланный Виллока с извещением, что квартира и завтрак готовы.

„28 октября. Был у м-ра Виллока и у м-ра Макниля, доктора при английском поверенном в делах, посетил Ходжу-Микаэля, передал письма, познакомился и поговорил о делах.

29-го. Отправился к Манучар-Хану — главному внуку — губернатору Гиляна, передал ему письмо Мазаровича и показал ему мои персидские грамоты. От него пошел к русскому генеральному консулу в Персии г-ну Ваценко. Посетил Мирзу-Абул-Гассан-Хана, ведающего всеми посольствами и побывавшего три раза послом в Европе. Он меня очень хорошо принял и обещал сделать все от него зависящее.

30-го. Приглашен вместе со всеми европейцами на обед к Манучар-Хану по случаю свадьбы одной из дочерей Шаха с молодым Мирзой-Голам-Шахом, фаворитом его Величества. Сначала был европейский завтрак, при чем нас развлекали певцы, музыканты и персидские фокусники. Затем мы перешли в Диван Ханэ, где нас ожидал превосходный обед по-персидски с музыкантами, танцовщиками и театральное представление или, вернее, китайские тени.

После обеда к нам вышел по приказанию шаха новобрачный: ему не больше 18 лет, у него красивое лицо и очень пышная одежда. На долю Манучар-Хана выпала честь нести все свадебные расходы. Кроме того Шах нарек новобрачного сыном Манучар-Хана; это означает, что Манучар-Хан должен теперь полностью содержать нареченного сына, а после смерти оставить ему все свое состояние, как настоящему сыну.

Мы пробыли на празднике с 9 утра до 3 ч. дня. Вечером Манучар-Хан прислал мне огромное блюдо всяких сладостей и конфет. Ужинал у м-ра Виллока.

31-го. Познакомился с Мирзой-Магометом-Али-Ханом, Ша-Задэ, братом Аббаса-Мирзы и губернатором Тегерана. Министр этот принял меня с большой любезностью и сказал, что если кто-нибудь мне задолжает, то он берется взыскать с него долг в мою пользу. О нем говорят, что он очень расположен к европейцам³⁴.

Мы видим, что в Тегеране, как и в Тавризе, Теодора Этье приняли чрезвычайно любезно. Первые сановники при дворе шаха оказывают ему всевозможные знаки внимания и обещают содействие. Даже Манучар-Хан Ениколопов, Эшик-Агаси-Баша (обер-церемониймейстер) и наместник Гилянской провинции — один из первых людей при дворе — и тот как будто заискивает перед ним. Несомненно этого бы не было, если бы Этье путешествовал только в качестве обыкновенного французского купца.

Очевидно персы и англичане подозревали, что Теодор Этье имеет секретные дипломатические поручения, что он является агентом русского правительства. Кое-что они должны были помнить и по его первому пребыванию в Персии. Кроме того Теодор Этье вез с собой письма Мазаровича и, возможно, самого Грибоедова, он проживал в русской миссии и таким образом из частного лица становился лицом почти официальным. Считалось важным расположить его, задобрить всякими обещаниями и подарками. Пользуясь своими старыми связями, Этье проникает в дом английского поверенного в делах Виллока. Он говорит одинаково легко и свободно по-английски и по-персидски, он смотрит и слушает. „Моя цель — разведать все возможности“, записывает он в дневник. Это звучит глухо и неопределенно. И конечно не одни только цены на шелка и шали подразумевает Этье, говоря о всех „возможностях“, которые он должен „разведать“.

Но и во всем, что касается коммерческих сделок, Грибоедов и Всеволожский не могли выбрать лучшего разведчика. Этот француз, никогда до тех пор не занимавшийся коммерцией, проявляет удивительные деловые способности.

Из Тегерана Этье едет в Решт и Энзели, всюду разузнавая конъюнктуру, как мы сказали бы сейчас.

В этот период персы очень заинтересованы в торговле с Россией, так как англичане, монополизировавшие персидский рынок, сильно взвинтили цены, а персидским купцам, пытающимся привозить товары самостоятельно, приходится совершать пятимесячное караванное путешествие из Смирны в Тавриз.

Поэтому все крупнейшие персидские купцы и сенаторы радушно встречают Теодора Этье и все обещают ему содействие в делах. Он уславливается с Манучар-Ханом, что будет уплачивать ему согласно Гюлистанскому договору 5 процентов с выручки, но за это будет ввозить и перевозить свои товары в любое место Персии. Он подробно записывает цены за ночлег, за лошадей, за перевозку товаров. На городских базарах он торгует знаменитые персидские шали и попутно распродает привезенные с собой образцы.

Но вот все дела закончены, сведения собраны, товар распродан.

В самом начале 1825 г. Теодор Этье пускается в обратный путь в Россию.

9 февраля 1825 г. он уже в кругу семьи.

IV

Трудное путешествие сказывается, Этье заболевает. Но, несмотря на болезнь, на восьмимесячную разлуку с семьей, он уже в самый день приезда, 9 февраля, пишет письмо А. Всеволожскому, который в это время находится в Петербурге. Мы узнаем это из ответного письма Всеволожского, помеченного 15 февраля 1825 г.:

„Я был очень рад узнать, дорогой мой Этье, из Вашего письма от 9 сего месяца, что Вы благополучно вернулись к Вашей семье. Я очень хотел бы оказаться теперь в Москве, чтобы получить от Вас те сведения, которые Вы привезли касательно нашего будущего предприятия.

Мои здешние дела в настоящее время мешают мне возвратиться, так как они слишком интересны для того, чтобы я хоть на миг потерял их из виду. Но как только я выясню их окончательно, или если мне придется отложить мое возвращение на более долгое время, нежели я предполагал, я попрошу Вас приехать в Петербург, где мы сможем окончательно оформить наше предприятие.

Пока же примите уверения в чувствах почтения, с которыми имею честь быть

Ваш покорнейший слуга

А. Всеволожский

P. S. Болезнь глаз не позволяет мне писать собственноручно.

15 февраля 1825

С.-Петербург.

(Письмо писано чьим-то каллиграфически старательным почерком и только постскриптум и подпись рукой А. Всеволожского.)

В момент возвращения Этье из Персии Всеволожский находится по каким-то, очевидно коммерческим, делам в Петербурге. Но результаты поездки в Персию интересуют его так сильно, что он хочет видеть Этье немедленно. Раньше компаньоны хотели основать центральное агентство по торговле с Персией в Москве, но теперь Всеволожский пишет: „...Петербург, где мы сможем окончательно оформить наше предприятие“. Быть может это показалось ему более удобным также и потому, что в Петербурге в это время находился и Грибоедов.

На письме Всеволожского пометка рукой Теодора Этье: „Получено 20 февраля, отвечено 1 марта“.

До нас не дошло письма Этье, однако мы располагаем ответным письмом А. Всеволожского.

Г-ну Этье
в Москве

С.-Петербург, 7 марта 1825

Ваше последнее письмо от 1-го сего месяца явилось для меня новым доказательством Вашей осмотрительности, которая в настоящее время для нас необходима. Поверьте, что я со своей стороны поступаю так же.

Не зная еще, позволят ли мне дела вернуться вскоре в Москву и желая узнать о результатах Вашей поездки, я прошу Вас, дорогой г-н Этье, если Вам это возможно, приехать ко мне в Петербург.

Так как у моего отца очень тесно, то я не могу предоставить Вам комнаты, поэтому если Вы решитесь приехать я предлагаю Вам остановиться в трактире. Вы найдете меня у церкви Николая близ большого театра, д. № 219.

Я больше не удивляюсь тому, что имел так редко вести от Вас за время Вашей поездки, так как и Вы также не получили всех моих писем; все это выяснится при нашем свидании. Что же касается Корде, то я все также намерен уговориться с ним, но мы не согласились насчет условий, а у меня не было ни времени, ни настроения, чтобы изложить на бумаге мои замечания на предложения, которые он мне сделал, и я оставил это до более благоприятного времени. Я сообщу Вам их и льщу себя мыслью, что вы со мной согласитесь, тогда мы и с ним договоримся.

Передайте от меня привет вашей супруге, поделуйте моего маленького крестника и примите уверение в совершенном почтении, с которым имею честь быть

Ваш покорный слуга

А. Всеволожский

Р. S. Моим глазам лучше, но они еще слабы, я пишу с трудом.

Из письма ясно, что во время путешествия Этье в Персию Всеволожский писал ему, вероятно давая деловые инструкции. Упоминаемый в письме Давид Корде—брат жены Теодора Этье. Возможно, что Этье рекомендовал своего свояка виноторговца как человека со средствами, способного ссудить предприятие деньгами, может быть даже войти в компанию. В дальнейшем мы встречаем еще упоминание о Корде в письме Никиты Всеволожского. Очевидно Теодор Этье усердно старался оказать родственнику протекцию и свести его со своими деловыми друзьями.

21 марта 1825 г. по вызову Всеволожского Теодор Этье едет в Петербург. Он везет с собой ценнейший документ—голубую тетрадку, заключающую в себе результат его восьмимесячной поездки: „План торгового предприятия между Россией и Персией“.

План этот составлен им на основании тех сведений о торговле в Персии, которые он собрал за время путешествия. В нем подробно изложено, на какие товары существует в Персии спрос, что надо покупать взамен, а главное, как и где организовать отделения русского торгового дома. Теодор Этье считает, что центральное отделение компании должно находиться в Москве. Распоряжения и заказы в Персию идут из Москвы. В Персии, в наиболее крупных городах, должны существовать отделения фирмы. Все эти отделения подчиняются главному агенту—фактическому и полновластному представителю фирмы в Персии. Повидимому этим главным агентом хотел быть сам Этье, так как это давало ему возможность самостоятельной работы и кроме того приносило бы не малые барыши, потому что вместо жалованья он предлагал давать агенту два процента с каждой сделки.

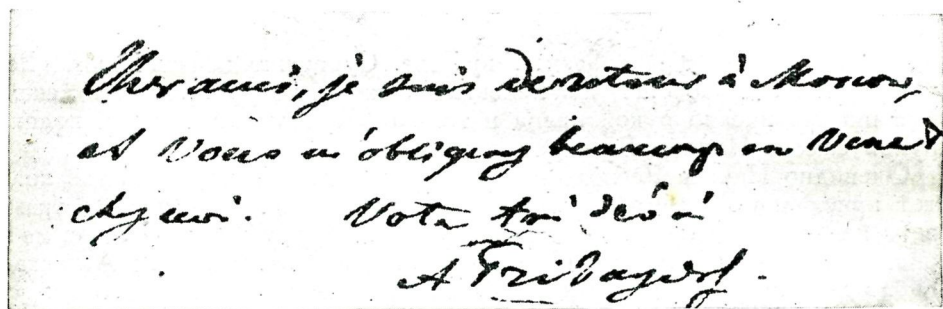
В момент приезда Этье Грибоедов также находится в Петербурге. Он пишет примечания к запискам Цикулина, руководит репетициями „Горя от ума“ в театральной школе, возражает на критику Катенина, переводит, пишет стихи.

У нас нет прямых указаний на то, что Этье встретился в Петербурге с Грибоедовым, но трудно предположить, что человек, вернувшийся из Персии, повидавший много друзей Грибоедова, не увидится с ним хотя бы только для того, чтобы передать письма, не говоря уже о тех поручениях дипломатического порядка, которые видимо были даны Этье Грибоедовым и в которых он должен был отчитаться. Кроме того во второй части „Плана“ говорится, что русская миссия в Тавризе охотно

возмется доставлять корреспонденцию представителю фирмы. Вероятно Грибоедов через Этье дал знать Мазаровичу о своем участии в предприятии и просил его содействия.

Возможно, что в этот приезд Этье в Петербург „План“ подробно обсуждался как Всеволожским, так и Грибоедовым, и можно предполагать даже, что Грибоедов много помог при этом своим дипломатическим опытом и знанием страны.

Но „План“ предусматривает организацию торгового дома с большим основным капиталом. Этье считает, что на первый раз надо ввезти в Персию товара на 150—200 тыс. руб. Повидимому компаньоны снова натолкнулись на прежнее препятствие — недостаток нужных средств. Большая часть капиталов Всеволожского была вложена в прежние его предприятия — пермские заводы и рыбные промыслы в Астрахани, — и вынуть оттуда крупную сумму без ущерба для этих предприятий было невозможно. Деньги Грибоедовых были, как мы видели из писем, также

*Merci, je suis dévoué à Monsieur
et vous m'obligez beaucoup en venant
chez moi. Votre ami dévoué
A. Griboedov.*

ЗАПИСКА ГРИБОЕДОВА К ТЕОДОРУ ЭТЬЕ

Частное собрание, Москва

частично вложены в предприятия, общие с Всеволожским, или даны ему займы. Таким образом очевидно и на этот раз осуществление плана было отложено за недостатком денег.

В конце 1825 г. Грибоедов снова уехал в армию к Ермолову, в главную квартиру кавказского корпуса.

Следующее упоминание о торговле с Персией мы встречаем уже только в начале 1826 г. в письме Никиты Всеволожского:

Господин Этье.

Я получил Ваше письмо от 1-го сего месяца. Радуюсь тому, что Вы находитесь в добром здоровье, я очень благодарен Вам за память и за Ваши поздравления по случаю моего блистательного вступления в дела.

Разумеется я не достоин тех похвал, которые Вы мне расточаете, однако, мое искреннее рвение дает мне твердую уверенность, что я буду вознагражден за все усилия, употребляемые мною для достижения моей цели, цели столь желанной, которая единственно может успокоить два семейства, и в особенности брата, к которому я питаю, как Вам известно, безграничную привязанность.

Вы пишете мне о Вашем свояке. Время и случай показали мне, с кем я имею дело, и я могу только пожелать, чтобы он оказался достойным того, кто его рекомендует, и не обманул бы доверия, которое можно ему оказать.

Вы пишете мне о Грибоедове и о вложенном здесь письме, но я не нашел его в Вашем и прошу мне объяснить причину. Я буду рад исполнить это поручение, тем более, что я вскоре смогу оказаться довольно близко от него.

Считаю долгом сообщить Вам, что я все еще настаиваю на мысли осуществить наш план торговли с Персией и попрежнему склоняюсь к тому способу, которому всегда мешали наши денежные дела, находившиеся в течение долгого времени в запутанном состоянии.

Я не теряю надежды направить их на верный путь, что позволит мне сообщить Вам окончательно о сроке, когда мы сможем взять нужные суммы и распределить их так, как мой брат и Вы сочтете нужным.

Прошу Вас поклониться от меня Вашему семейству и подарить меня Вашей дружбой.

Преданный Вам

Никита Всеволожский

13 января 1826.

Астрахань.

(На обороте по-французски: Г-ну Этье. Сургучная печать Никиты Всеволожского: большое „Н“ и маленькими буквами вокруг: „Всеволожской“. Все письмо писано рукой писца и только „Преданный Вам“ и подпись рукой самого Никиты Всеволожского.)

Очевидно Никита Всеволожский познакомился с Теодором Этье, когда тот приехал в Петербург к его брату Александру. Тон письма указывает на большое доверие, которое очевидно внушал к себе Этье, но на чисто деловое знакомство. Повидимому Никита отправился в Астрахань наблюдать за рыбными промыслами, которыми владели там оба брата Всеволожские, но кроме того еще по каким-то неизвестным нам делам, от которых зависело „спокойствие двух семей и в особенности брата“, т. е. Александра. По всей вероятности это все-таки дела денежного порядка, так как Этье поздравляет Никиту с блестящим в них вступлением.

Из письма видно, что Никита намеревался из Астрахани проехать дальше, может быть на Кавказ, где в это время находился Грибоедов. На это указывает фраза: „Я буду рад исполнить это поручение [т. е. передать письмо Грибоедову], тем более, что я вскоре могу оказаться довольно близко от него“.

Возможно, что письмо Этье к Грибоедову, исчезнувшее из письма Никиты Всеволожского, содержало в себе какие-то размышления по поводу персидского плана. Мы заключаем это из того, что вслед за абзацем о Грибоедове в письме Никиты непосредственно следует абзац о торговле с Персией. Можно предполагать, что Никита вспомнил план, которым были связаны Этье и Грибоедов, и ему сразу захотелось взяться вплотную за осуществление этого дела. Повидимому в Петербурге ему предложили также войти в компанию и он охотно согласился. Здесь мы еще раз находим подтверждение тому, что план был отложен из-за недостатка денег.

Очевидно Никита Всеволожский либо еще не знал о декабрьских событиях, либо никак не думал, что они коснутся Грибоедова. Письмо его помечено 13 января, а ровно через 13 дней — 26 января — арестованный в главной квартире кавказского корпуса Грибоедов ехал с фельдъегерем в Петербург.

В первых числах февраля Александр Всеволожский крестит в Москве родившуюся у Этье дочь и в этих же числах Грибоедов проезжает Москву. Друзья Грибоедова узнают об его аресте. Но проезжая Москву,

à exécution le projet de notre commerce en Perse
et d'y viser au moyen, qui fust toujours contrarié
par nos affaires pécuniaires qui pendant un laps
de temps, se trouvaient consécutivement arrêtées.
Je ne désespère pas pouvoir leur donner une
plus juste direction, étant alors en l'état de
vous mander affirmativement l'époque où
nous pourrions tirer les fonds nécessaires,
seulement des employés, comme mon père et
vous le jugerez nécessaires.

Je vous prie de m'adresser à votre
famille et m'assurer votre amitié

13 Janvier
1826.

Astracan.

Votre tout dévoué

Nikita Wsevolozhsky.

Грибоедов вряд ли видался с ними, так как не хотел видаться даже с матерью, которая при известии об его аресте разразилась упреками в вольнодумстве. Как реагировал Этье и Всеволожские на арест Грибоедова, нам неизвестно, но ясно, что план торговли с Персией был отложен на неопределенное время. 16 июня 1826 г. персы нарушили мир, напав на русский пограничный пост Мирак. Вспыхнула война, и еще более отдалила реализацию плана. Так он никогда и не был осуществлен четырьмя компаньонами.

По крайней мере есть положительные указания на то, что пионером русской торговли с Персией явился шуйский купец Степан Посылин, который „доказал всему православному миру, что с Персией торговать можно“.

В 1832 г. он ввез в Тавриз на 900 тыс. рублей ситцев, миткаля и сахара.

„...В нашей литературе анекдотической фигурой стал купец с персидским орденом „Льва и Солнца“, — пишет М. Н. Покровский, — и теперь редко кто догадается, что этот анекдот, как латы Дон-Кихота, напоминает о далекой героической эпохе русского промышленного капитализма. Посылин был первым кавалером этого персидского ордена из русских коммерсантов“.

„Крупнейшая шуйская фирма Посылиных до того освоилась в Закавказье, что в Тифлисе ее считали своей, местной фирмой, повидимому совершенно забывая о ее шуйских фабриках“³⁵.

После победы России над Персией персидский рынок оказался почти монополизированным русским капиталом. Английским товарам приходилось вести с русскими фабрикатами ожесточенную борьбу.

Русский офицер, барон Корф, побывавший в Персии в 1834—1835 гг., указывает два пути, по которым русские товары шли в Персию: первый через Закавказье вел в Тавриз, второй через Каспийское море — в Гялян. Главным складочным местом являлся Тавриз, базары которого „наводнены иностранными товарами“.

Однако общий русский баланс оставался пассивным. В 1834 г. всего было ввезено товаров в Персию из России на 2½ млн. рублей, а вывезено приблизительно на 5 млн. рублей.

Русский протекционный тариф 1827 г. долго не распространялся на Закавказье. Этим широко воспользовались англичане, направившие свои товары через Закавказье и кроме того использовавшие старинный караванный путь Трапезунд — Тавриз.

Отметив успехи английской торговли, барон Корф восклицает: „будем надеяться, что скоро, скоро Тавриз, Зензели (Энзели), Решт и Бальфуруш наполнятся русскими товарами и что мятые, но полновесные персидские червонцы будут кучами сыпаться в русские купеческие конторы, устроенные в торговых городах Персии“.

Но надеждам Корфа не суждено было сбыться.

Пользуясь двумя торговыми путями, англичане скоро почти совершенно вытесняют русских с персидского рынка. Если в 30-х годах английский агент в Тавризе нашел всю торговлю в русских руках, то в 1844 г. Степан Посылин принужден был ликвидировать свои операции. Русское правительство реагирует на это распространением протекционного тарифа на Закавказье и проектом захвата Трапезунда. После этих репрессивных мер уже англичане жалуются, что для них потеряно Каспийское море и они отрезаны от Центральной Азии. Так нащупывается экономический базис англо-русского соперничества на Ближнем Востоке и в частности в Персии, приведший позже к Крымской войне 1853 г.

Потерпев неудачу в компании с Теодором Этье и Всеволожскими, Грибоедов ничуть не забрасывает свои „коммерческие замыслы“. Он продолжает упорствовать на идее использования богатств Персии и Закавказья. Ему не дает покоя мысль, что все эти богатства лежат нетронутые, никем не используемые. Он хочет во что бы то ни стало сделатьсь первым колонизатором этого края „наподобие Восточной Индии“ (Муравьев). Он пытается вдохновить своей идеей кого-нибудь другого, он ищет новых компаньонов.

В марте 1828 г., приехав в Петербург для представления Туркменчайского мирного договора Николаю I, Грибоедов встречается со своим прежним знакомым, коллежским советником П. Д. Завилейским, человеком очень состоятельным, но, по свидетельству Муравьева, крайне ненадежным и плутоватым. Вместе они набрасывают проект „Записки об учреждении российской закавказской компании“.

„Когда Грибоедов ездил в Петербург, увлеченный воображением и замыслами своими, он сделал проект о преобразовании всей Грузии, коей правление и все отрасли промышленности должны были принадлежать компании наподобие Восточной Индии. Сам главнокомандующий и войска должны были быть подчинены велениям комитета от сей компании, в коем Грибоедов сам себя назначал директором, а главнокомандующего членом; вместе с сим предоставил он себе право объявлять соседственным народам войну, строить крепости, двигать войска и все дипломатические сношения с соседними державами. Все сие было изложено красноречивым и пламенным пером и, как говорят, писцом под диктовку Грибоедова был З[авилейский], которого он мог легко завлечь и в коем он имел пылкого разгласителя и ходатая к склонению умов в его пользу. Грибоедов по сему старался и многих завлечь; он много искал сближения со мною, но я всегда удалялся от него“⁸⁶.

Мы видим, что задуманный Грибоедовым в 1824 г. „План торговли с Персией“ был как бы зачатком, зародышем грандиозной идеи колонизации Востока. „Закавказская компания“ значительно зреее, смелее и обширнее по замыслу. Это уже не просто товарообмен с Ближним Востоком, а подлинная организованная колонизация края, при чем на помощь торговой компании Грибоедов не задумывается открыть военную кампанию. Он... „настаивал, чтобы приступлено было к завоеванию турецкой крепости Батума, что на Черном море, как пункта, необходимо нужного для склада в предполагаемом распространении торговой компании“⁸⁷.

После декабрьского восстания мысль о мелком частном предприятии была повидимому совершенно оставлена Грибоедовым. Он понял всю несостоятельность подобного плана. Теперь мирная торговая политика его уже не удовлетворяет. Он знает, что ему одному или даже в компании с другими помещиками уже не справиться. Чтобы захватить удобные порты и рынки, Грибоедов мечтает использовать военную мощь России.

„Не могу утвердительно сказать,—пишет Муравьев-Карский,—но, кажется, что даже были тогда сделаны некоторые приготовления к сей экспедиции“.

Да и весь текст „Записки“ представляет собой ярчайший документ захватнической политики первой половины XIX столетия.

Муравьев-Карский несколько преувеличивает, говоря что „главнокомандующий и войска должны были быть подчинены велениям комитета

от сей компании“, но верно то, что, привлекая на помощь своему предприятию военную силу, Грибоедов разумеется мыслил самого себя организатором этого похода в богатый и нетронутый край.

Сущность деятельности компании сводилась к использованию садов Закавказья, учреждению складов в одном из портов Черного моря и в торговле вином, шелком, ситцем и тому подобными продуктами закавказского производства.

Окончательно „Записка“ была составлена в Тифлисе 7 сентября 1828 г., когда Грибоедов, назначенный полномочным министром, находился уже на пути в Персию. Тогда же она была подана графу Паскевичу-Эриванскому.

„Завтрашний день пойдет от меня и Завилейского к В[ашему] с[иятельству] План компании и Записка на благосклонное Ваше рассмотрение. Во время бодезни я имел довольно трезвости рассудка и досуга, чтобы осмыслить этот предмет со всех сторон“, писал Грибоедов к Паскевичу 6 сентября 1828 г.⁸⁸

„...При внимательном рассмотрении Закавказского края, каждый удостоверится, что там природа все приготовила для человека; но люди доселе не пользовались природою. Настоящее правительство поддержано токмо самим собою; но известно, что для лучшего успеха в деле государственного хозяйства необходимы соединенные усилия правительства и частных людей. Некоторые же лица, действуя отдельно, мало или вовсе не могут содействовать благим намерениям мудрого правительства, а тем более здесь, где нет ни значительных капиталистов, ни людей по торговле и промышленности предприимчивых и стремящихся на частных выгодах основать общественные.

При таковых обстоятельствах статский советник Грибоедов и коллежский советник Завилейский, по внимательном исследовании богатств и средств сего края, ревнуя благу общему,—предположили составить его сиятельству графу Ивану Федоровичу Паскевичу-Эриванскому план учреждения компании для заведения и усовершенствования в изобильных провинциях по сю сторону Кавказа лежащих: виноделия, шелководства, хлопчатой бумаги, колониальных, красильных, аптекарских и других произведений...

...Притом Вы обнаруживали ясно Ваш образ мыслей, чтобы несколько людей благонамеренных и зажиточных, ввиде коммерческого товарищества, предприняли реформы, необходимые в хозяйстве и промышленности сего края“...⁸⁹

В „Записке“ Грибоедов несколько раз и очень настоятельно напоминает о том, что он с Завилейским действуют как частные предприниматели:

„...При сем нижеподписавшиеся, действуя в сем случае, равно и во всем касательно до проекта компании,—отдельно от звания и обязанностей, несомых ими по службе*, но поступая в сем предприятии, как частные люди“.

Но в самых этих напоминаниях чувствуется какая-то недомолвка. Мы помним, что Теодор Этье, уезжая с поручением Грибоедова в Персию, останавливался в русской миссии. Тот же Этье предлагает всю корреспонденцию торгового дома пересылать через русское дипломатическое представительство.

„...Корреспонденция может пересылаться двумя способами: от Москвы до Тифлиса, где можно достать человека, который переправит ее в Тавриз, в русскую миссию; миссия охотно возьмется передать ее агенту“... (см. приложение).

* Разрядка моя — Н. К.

«ЗАКЛЮЧЕНИЕ ТУРКМАНЧАЙСКОГО МИРА.

Картина маслом В. Залесского

Государственный Социально-Исторический Музей, Гомель

Таким образом Грибоедов частично уже использовал свое служебное положение в личных целях. Уезжая полномочным министром в Персию и представляя вместе с тем „Записку об учреждении Закавказской компании“, он конечно мог надеяться, что официальное положение и высокий пост очень помогут осуществлению его коммерческих планов.

С приложенным „проектом устава“ и объяснительным вступлением „Записка“ была представлена Паскевичу, который, будучи занят сам в то время военными операциями с Турцией, передал ее на рассмотрение и заключение генералу Бурцеву. Тот подверг ее резкой критике и признал осуществление предложенного проекта несвоевременным. С мнением Бурцева согласился и Паскевич⁴⁰.

Таким образом Паскевич отклонил предложение Завилейского и Грибоедова, и коммерческие планы Грибоедова вторично потерпели полное крушение.

Уехав в Персию полномочным министром, он конечно не имел времени, да и не мог по своему положению заниматься мелкой частной коммерцией. Переговоры о контрибуции, об обмене пленных с персами, которые „много думают, вдесятеро больше говорят и почти ничего не делают“ (б. Корф), заняли все его время до 30 января 1829 г., когда зверское убийство прервало его кипучую, нервную, кочевую жизнь.

* * *

13 апреля 1827 г. в церкви св. Людовика в Москве Анастасия Федоровна Грибоедова вместе с учителем Адольфом Перротэ крестит третьего ребенка супругов Этье—Шарля-Адольфа. В акте о крещении

Этье-отец именуется „французским путешественником в России“, но можно смело сказать, что „путешествие“ Теодора Этье сильно затянулось. Он продолжает быть связанным делами и дружбой с семейством Грибоедовых и вероятно тяжело переживает гибель своего друга и покровителя.

В 1842 г. Теодор Этье принимает русское подданство и именуется уже Федором Петровичем. Пора путешествий для него прошла, он начинает стариться. У него обширные знакомства в московских дворянских домах. Вместе с женой он занимается преподавательской деятельностью. Денис Давыдов, знавший его еще на Кавказе, поручает ему воспитание своих детей. Жена Этье служит воспитательницей у московского генерал-губернатора Закревского.

В 1846 г. Федор Петрович Этье заканчивает свое путешествие — в Москве на кладбище на Введенских горах.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Все публикуемые ниже письма Грибоедова, Всеволожских и Этье, а также записки, и дневниковые записи последнего, за исключением тех случаев, где источник их оговаривается особо, печатаются впервые по оригиналам, любезно предоставленным мне потоками Теодора Этье, которым приношу мою глубочайшую благодарность.

² Теодор Этье, Записки.

³ Там же.

⁴ Письмо это оказалось в бумагах Этье. Очевидно Этье выпросил его обратно у Мирзы-Масуда.

⁵ О. И. Попова, Грибоедов в Персии в 1818—1823 гг., М. 1930.

⁶ Собр. соч., изд. Академии Наук под ред. Н. К. Пиксанова, т. III.

⁷ Теодор Этье, Записки.

⁸ Там же.

⁹ О. И. Попова, А. С. Грибоедов в Персии в 1818—1823 гг., М. 1930.

¹⁰ Собр. соч., ук. изд. т. III.

¹¹ Там же.

¹² Лугат — словарь.

¹³ Сартип — первый генеральский чин в Персии.

¹⁴ D.-B. Surasson, *Memoires d'un officier*, Paris, 1849.

¹⁵ Ракам — указ, грамота.

¹⁶ Червадар — чиновник.

¹⁷ О. И. Попова, А. С. Грибоедов в Персии в 1818—1823 гг., М. 1930.

¹⁸ См. „Исторический Вестник“ 1889, № 3, стр. 661—673.

¹⁹ Собр. соч., ук. изд., т. III.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² О. И. Попова, А. С. Грибоедов в Персии в 1818—1823 гг., М. 1930.

²³ Собр. соч., ук. изд., т. III, примеч. к письмам.

²⁴ См. Исторический Вестник 1910, № 6, стр. 872.

²⁵ Собр. соч., ук. изд., т. III.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ „Русская Старина“ 1905, № 12.

³⁰ Теодор Этье, Путевой дневник.

³¹ Там же.

³² Мехмендар — чиновник, прикомандированный обычно к иностранным послам и другим важным лицам.

³³ Теодор Этье, Путевой дневник.

³⁴ Там же.

³⁵ М. Н. Покровский, Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М. 1923.

³⁶ Цитирую по изданию „Грибоедов в воспоминаниях современников“. Редакция Н. К. Пиксанова, комментарии И. С. Эвальберштейна. Изд. „Федерация“, 1929, стр. 90.

³⁷ Там же.

³⁸ Е. Некрасова, Неизданные письма А. С. Грибоедова. — „Дела и дни“ 1921 г., кв. 2, стр. 71.

³⁹ А. С. Грибоедов. „Записка об учреждении Российской Закавказской компании“, Собр. соч., под ред. И. А. Шляпкина, т. II.

⁴⁰ И. К. Ениколопов, А. С. Грибоедов в Грузии и Персии.